

«У меня
хватило ума
прожить
жизнь глупо»

Гаша
Ганевская

ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ
И НЕ КЛАНЯЕТСЯ

Софья Бенуа Фаина Раневская. Жизнь проходит и не кланяется

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17383911

Фаина Раневская. Жизнь проходит и не кланяется / С. Бенуа: ТД

Алгоритм; Москва; 2015

ISBN 978-5-906789-55-8

Аннотация

Какой парадокс: ее театральные и экранные работы можно перечесать по пальцам, но, согласно Британской энциклопедии «Who is who» («Кто есть кто»), она входит в десятку самых выдающихся актрис XX столетия! Так в чем состоит уникальность Фаины Георгиевны Раневской, девочки-дурнушки из семьи «бедного нефтепромышленника», ставшей харизматичной актрисой («Золушка», «Подкидыш», «Пышка», «Легкая жизнь» и др.)? Автор утверждает: личность Фаины Раневской остаётся притягательной благодаря неповторимому ироничному взгляду на жизнь: актриса никогда не стеснялась в выражениях и если шутила, то высмеивала наповал, до слёз. Однако вовсе не сарказм помог ей, народной артистке СССР, получить, как она выражалась, «похоронные принадлежности»: ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а еще – три

Сталинских премии! И не остроты и внецензурные выражения укрепляли ее дружбу с самыми известными людьми той эпохи: Анной Ахматовой, Любовью Орловой, Ростиславом Пляттом, Ольгой Аросевой и многими другими. Похоже, что из всех советских знаменитостей только она одна могла позволить себе быть искренней. В момент, когда ее окружали дети с радостными возгласами «Муля! Муля!», она пренебрежительно отвечала: «Пионеры, идите в ж*пу». И сложно представить, что в этой незаурядной личности таилась страшно одинокая, тонкая и ранимая душа... Несмотря на десятки книг, написанных о Раневской, ее феномен так и не раскрыт до конца... и только сейчас у читателя появляется возможность взглянуть на противоречивую судьбу оригинальной актрисы по-новому.

Содержание

Глава I	5
Девочка из провинции	5
Нерадивая ученица	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Бенуа Софья Фаина Раневская. Жизнь проходит и не кланяется

Глава I

Детство Фаины: наука одиночества

«Ребёнка с первого класса школы надо учить науке одиночества».

Фаина Раневская

Девочка из провинции

«Если у тебя есть человек, которому можно рассказать сны, ты не имеешь права считать себя одиноким...»

Фаина Раневская

Душной, звездной августовской ночью 1896 года в приморском городке Таганроге, в опрятном двухэтажном особняке из красного кирпича на улице Николаевской появилась на свет Фая Фельдман. Кто бы мог тогда подумать, что этой бледненькой, едва слышно пищавшей в руках повитухи но-

ворожденной девочке из респектабельной еврейской семьи предстоит стать величайшей актрисой своего времени, бесподобной Фаиной Раневской?

Как свидетельствовали знаменитые уроженцы Таганрога, жизнь в городке текла вяло, напоминая обмелевшую речушку с болотистыми берегами. Антон Павлович Чехов вспоминал о родном городе (дом Чеховых находился всего в одном квартале от особняка Фельдман):

«Таганрог – совершенно мертвый город. Тихие, пустынные, совершенно безлюдные улицы, засаженные по обеим сторонам деревьями в два ряда – акациями, тополями, липой, из-за которых летом не видно домов... Отсутствие движения на улицах, торгового оживления, мелкий порт, не позволявший большим судам подходить близко к Таганрогу, пустынные сонные бульвары у моря и над морем – и всюду тишина, мертвая, тупая, подавляющая тишина, от которой... хочется выбежать на улицу и кричать «караул». Тихим очарованием печали и одиночества, заброшенности, медленного умирания веет от безлюдных широких улиц, заросших деревьями, погруженных в дремотное безмолвие; кажется, пройдет еще несколько лет – и буйно разросшиеся акации и бразильские тополя погребут под собой город, и на его месте зашумит густой, непроходимый, дремучий лес».

Русский литератор и историк балета Валериан Яковлевич Светлов красочно описывал Таганрог как знойное южное за-

холустье:

«Таганрог – очень неинтересный город для принужденных постоянно обитать в нем и, главным образом, неинтересный по климатическим условиям: жара в нем стоит неестественная, доходящая летом до 48–50 градусов, а холод зимою до 20 и больше... Таганрог производит на человека, попавшего в него в первый раз, странное и унылое впечатление выморочного города: улицы пустынные, как в Помпее, ставни у всех домов наглухо заперты; изредка попадаетесь неторопливо идущий прохожий; даже на главной, Петровской улице летом нет никакого движения, а зимою – лишь небольшое, да и то в определенный вечерний час... Не имея канализации, водопровода и стоков, город не может быть действительно чистым; в особенности отвратительно в нем содержание ассенизационного обоза, распространяющего по вечерам невероятное зловоние на улицах. Несчастные обыватели только что открыли ставни и окна, желая воспользоваться наступившей хотя бы относительной прохладой, как уже приходится закрывать окна, чтобы спастись от мчащегося с грохотом обоза».

Таганрог. Памятник Фаине Раневской возле родительского дома Фельдманов, где родилась и росла будущая актриса

Однако отцу маленькой Фаи Таганрог вовсе не казался захолустьем и болотом: деятельный и целеустремленный Гирши Хаймович Фельдман был крупным торговцем и фабрикантом (владельцем фабрики сухих красок), нажившим изрядное состояние, включающее несколько доходных домов,

портовые склады, магазин и даже пароход «Святой Николай». Фаина Раневская рассказывала о жизни своей семьи в период ее детства:

– Можно сказать, что тогда мы жили на широкую ногу. Дом – полная чаша, множество прислуги, дача под городом. Летом дача обычно пустовала – семья нередко проводила это время года в Швейцарии, Франции или Италии....

Строгий и набожный, Гирши Хаймович все свободное время посвящал синагоге (являясь ее старостой) да приюту для старых евреев, который сам и основал. Детьми (у Фаины были еще сестра Изабелла и два брата: Яков и Лазарь) занималась мать – Милька Рафаиловна (Заговайлова). Андрей Шляхов, биограф Раневской, рассказывал о браке ее родителей:

«В «Книге для записи сочетания браков между евреями на 1889 год» таганрогский раввин по фамилии Зельцер 26 декабря 1889 года зарегистрировал брак мещанина местечка Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии Гирша Хаимовича Фельдмана и девицы – лепельской мещанки Витебской губернии Мильки Рафаиловны Заговайловой. Жениху было двадцать шесть лет, а невесте – семнадцать.

Зарегистрировав этот брак, ребе Зельцер, сам того не ведая, обеспечил себе место в истории. Ведь именно те, кого в ту далекую зиму он благословил на долгую и счастливую жизнь вместе, станут родителями одной

из самых ярких, самых талантливых актрис двадцатого столетия – через пять с половиной лет после свадьбы, 27 августа 1895 года в семье Фельдманов родилась дочь Фаина.

Гирш Фельдман был типичным деловым человеком, которого в первую, вторую и третью очередь интересовали только деньги, а невеста – трепетной особой, красавицей, преисполненной высоких чувств.

Экзальтированная натура, поклонница литературы, музыки и прочих искусств, обожавшая, кстати говоря, Чехова».

О своих родителях Фаина рассказывала:

– Я безумно любила свою маму, Мильку Рафаиловну Фельдман. Именно от нее я унаследовала чувствительность, артистичность, любовь к музыке, чтению, театру. С отцом же, Гирши Хаймовичем Фельдманом, сложились несколько иные отношения – я не была его любимицей. Из всех четырех детей он выделял Изабеллу, мою старшую сестру.

Дом, в котором выросла Фая, казался ей самым тоскливым местом на земле, особенно после того, как умер один из ее братьев, Лазарь (девочке тогда едва исполнилось пять лет):

«...Разные события всплывают из недр памяти и волнуют до сердцебиения. Я вижу двор, узкий и длинный, мощный булыжниками. Во дворе сидит на цепи лохматая собака с густой свалявшейся шерстью, в

которой застрял мусор и даже гвозди, – по прозвищу Букет. Букет всегда плачет и гремит цепью. Я люблю его. Я обнимаю его за голову, вижу его добрые, умные глаза, прижимаюсь лицом к морде, шепчу слова любви. От Букета плохо пахнет, но мне это не мешает. В черном небе – белые звезды, от них светло. И мне видно из окна, как со двора волокут нашу лошадь. Кучер говорит, что лошадь подохла от старости и что тащат ее на живодерню. Я не знаю, что такое живодерня. Мне пять лет.

...Умер маленький братик, я жалела его, день плакала. И все-таки отодвинула занавеску на зеркале – посмотреть, какая я в слезах. В пять лет была тщеславна, мечтала получить медаль за спасение утопающих... У дворника на пиджаке медаль, мне очень она нравится, я хочу такую же, но медаль дают за храбрость – объясняет дворник. Мечтаю совершить поступок, достойный медали. В нашем городе очень любили старика, доброго, веселого, толстого грузина-полицмейстера. Дни и ночи мечтала, чтобы полицмейстер, плавая в море, стал тонуть и чтобы я его вытащила, не дала ему утонуть и за это мне дали медаль, как у нашего дворника. Теперь медали, ордена держу в коробке, где нацарапала: «Похоронные принадлежности».

Таганрог. Дом семьи Фельдманов на улице Николаевской (названа в честь цесаревича Николая Романова, который в 1863-м посетил город), переименованной в 1927-м в улицу Фрунзе (в честь партийного деятеля, никогда не бывавшего в Таганроге)

Старшая сестра Изабелла была статной красавицей, любимицей отца. А нескладную, замкнутую, заикающуюся и оттого нелюдимую Фаину не очень-то жаловали, брат с сестрой частенько подтрунивали над ней – постоянные стычки Фаина переживала тяжело, подолгу обижалась, замыкалась в себе. В большой семье чувствительная и ранимая девочка оказалась одинокой. Кроме того, младшая сестра завидовала

красоте старшей и часто плакала в подушку злыми, горькими слезами, досадуя, что эта «фифа», Белла, весела, легка, приветлива и хороша, а она, Фаина, нелюдима, косноязычна и, как ей казалось, уродлива. Годы спустя, когда девочка выросла, превратившись в известную актрису, она сохранила свое пренебрежительное отношение к красивым девушкам, всех поголовно называя «фифами». Впрочем, от заниженной самооценки взрослая Фаина Раневская так же избавиться до конца не смогла. Биограф Андрей Шляхов рассказывает:

«Маленькая Фаина, как это нетрудно представить, не любила Новый год, этот чудесный праздник с наряженной елкой и кучей подарков. Причина была проста: на праздники признанную красавицу, старшую сестру Беллу наряжали, словно принцессу. В прелестном наряде та казалась еще обольстительнее, чем обычно. Окружающие восхищались Беллой, порой преувеличенно восторженно, чтобы польстить отцу, не чаявшему души в очаровательной дочери, и совершенно забывали про некрасивую и неуклюжую заику Фаину, завистливо наблюдавшую за очередным триумфом сестры со стороны. Ей, как и всякому ребенку, хотелось похвал, внимания, аплодисментов, но всего этого девочка была лишена и оттого чувствовала себя несчастной, никому не нужной».

Два зрелища из детства оставили в душе маленькой, чуткой девочки неизгладимый след: кино и поход в зверинец.

Если первое (раскрашенная кинокартина «Ромео и Джульетта») заставило Фаю буквально переполниться восторгом:

– Впервые в кино я обомлела. Фильм был в красках, возможно, «Ромео и Джульетта».

...то второе зрелище наполнило душу девочки страданием и ужасом:

– В маленькой комнате в клетке сидела худая лисица с человеческими глазами. Рядом на столе стояло корыто, в нем плавали два крошечных дельфина. Вошли пьяные, шумные оборванцы и стали тыкать в дельфиний глаз, из которого брызнула кровь.

Фая росла в достатке, под крылом горячо любимой матери, однако чувствовала себя несчастливой и одинокой. Она избегала насмешливых сверстников, мучительно стеснялась своего заикания, не заводила подруг, ненавидела учебу. Однако при этом девочка была щедрой и великодушной, с чуткой душой, благородные порывы которой тщательно скрывались под слоем наносной нелюдимости, изредка прорываясь странными на взгляд окружающих поступками, о которых взрослая Раневская вспоминала:

«Мне лет 12. Я в экстазе, хорошо помню мое волнение. Схватила копилку в виде большой свиньи, набитую мелкими деньгами (плата за рыбий жир). Свинью разбиваю. Я в неистовстве – мне надо совершить что-то большое, необычное. По полу запрыгали монеты, которые я отдала соседским детям:

«Берите, берите, мне ничего не нужно...».

Родители Фаины Раневской: Гирш Фельдман (фото предположительно 1920-х годов) и Милка Рафаиловна Заговайлова

Фаина Раневская рассказывала, что уже лет с четырех она то и дело играла в любимую игру – изображала других людей, ее окружающих: домочадцев, прислугу, приказчиков отца, мороженщика, проходящих по улице мимо дома пилигримов – ходоков на Афон. В своих воспоминаниях она писала:

– Я переиграла все роли, говорила, меняя голос... Была и ширма, и лесенка, на которую становилась. Сладость славы переживала за ширмой. С

достоинством выходила раскланиваться... Существует теория, утверждающая, что всю свою жизнь человек инстинктивно старается добрать то, что недополучил в детстве. Кто-то покупает себе, любимому, дорогие игрушки, кто-то забивает шкафы нарядами, а кто-то не мыслит и дня без изысканных блюд. Вполне возможно, что главным стимулом моего творческого пути стала жажда внимания, жажда признания, жажда восхищения со стороны окружающих.

Творческие наклонности были во мне всегда. Наверное, даже когда я родилась, это было заметно! Еще в раннем детстве я испытывала непреодолимое желание повторять за дворником все, что он говорит и делает. На дворнике останавливаться не стала – изображала всех, кто только попадался на глаза. «Подайте Христа ради», – канючила вслед за нищим; «Сахарная мороженая!» – вопила вслед за мороженщиком; «Иду на Афон, Богу молиться», – показывая приторно благочестивую паломницу, я, будучи четырехлетней девочкой, шамкала «беззубым» ртом и ковыляла с палкой, согнувшись в три погибели.

Биограф Андрей Шляхов рассказывал:

«...Фаину с детства влекло к талантливым людям, она признавалась, что искренне завидовала их таланту. Так, когда в гости к старшей сестре Белле приходил гимназист, который читал ей наизусть стихи, не забывая при этом вращать глазами, взвизгивать, рычать тигром, топтать ногами, рвать на себе волосы и заламывать

руки, Фаина трепетала от восторга, а рыдания чтеца в завершение декламации доводили ее до экстаза».

Однажды она устроила целое представление для своих домашних, которое называлось «Закусочная». Фая настолько точно передала повадки завсегдатаев закусочной, их манеру говорить, пересыпая речь крепкими словечками, – что отец не на шутку рассердился и строго-настрого запретил девочке впредь устраивать подобные представления. Это была первая, однако далеко не последняя серьезная стычка с отцом на тему увлечения Фаи актерством. Надо сказать, что воспитывались дети Фельдман довольно строго: каждая провинность наказывалась: в ход шли разные методы – от воспитательной беседы и стояния в углу до самой настоящей порки. Противостояние девочки с отцом продолжалось до тех пор, пока юная Фаина не уехала из родного захолустья навсегда. Позже она рассказывала о таганрогском периоде своей жизни:

– ...Было ли оно у меня вообще – детство? Не как отрезок времени в жизни человека, а как прекрасная пора, полная чудесных открытий, родительской любви и беззаботного веселья? Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве. Училась плохо, арифметика была страшной пыткой. Писать без ошибок я так и не научилась, считать тоже. Наверное, потому всегда, и по сию пору, всегда без денег. С трудом окончив младшие классы Мариинской женской гимназии, упростила мать и отца

забрать меня оттуда...».

Нерадивая ученица

«Существует понятие «с молоком матери». У меня – «со слезами матери». Мне четко видится мать, обычно тихая, сдержанная, – она громко плачет. Я бегу к ней в комнату, она уронила голову на подушку, плачет, плачет, она в страшной горе. Я пугаюсь и тоже плачу. На коленях матери – газета: «...вчера в Баденвейлере скончался А.П. Чехов».

Ф. Раневская

Мариинская гимназия, где Фаина проучилась несколько лет ценой страданий и унижений, была известна своими строгими правилами и непомерно требовательными классными дамами, от пронзительных взглядов которых душа маленькой, застенчивой гимназистки уходила в пятки. Ни с кем из своих учителей Фаина так и не нашла общего языка: муштра ее доводила до отчаяния, а сверстницы, жестокие, насмешливые девочки, также не стали ей подругами. Однажды классная дама, госпожа Орем, решив подбодрить Фаину, преподнесла ей серебряный медальон с гравировкой: «Лень – мать всех пороков». Не избалованная вниманием девочка с гордостью носила подарок учительницы.

Дети: Фаина (слева), Белла и Яков с гувернанткой. Таганрог, 1900 год

После того как Фаине удалось уговорить родителей забрать ее из гимназии, начались годы домашнего обучения. Как и во всякой состоятельной семье того времени, в особенности Фельдман жили домашние воспитатели, которые учили детей музыке и пению, чтению и иностранным языкам. Из всего, что преподавалось в гимназии и дома, Фаина по-настоящему любила только чтение, посвящая ему все свободное время. Нередко чувствительная девочка рыдала над

книгой, однако утешать ее никто не спешил: черствая гувернантка отбирала книгу, вызвавшую слезы, а Фаину наказывала – ставила в угол или лишала десерта. Не удивительно, что любовь девочки к литературе не распространялась на гувернантку. В одном из своих интервью Раневская вспоминает:

– Учительница подарила медальон, на нем было написано: «Лень – мать всех пороков». С гордостью носила медальон. Ненавидела гувернантку, ненавидела бонну-немку. Ночью молила Бога, чтобы бонна, катаясь на коньках, упала и расшибла голову, а потом умерла. Любила читать, читала запоем, над книгой, где кого-то обижали, плакала навзрыд, – тогда отнимали книгу и меня ставили в угол. Училась плохо, арифметика была страшной пыткой. Писать без ошибок так и не научилась. Считать тоже. Случались и порки. Так, например, когда я вместе со старшим братом Яковом однажды сбежала из дома и была поймана по дороге на вокзал городовой, дома нас ожидала порка, а не зажаренный упитанный телец, которым положено встречать блудных детей.

Помимо книг, маленькая Фая всей душой любила музыку, кино и театр:

– В городе, где я родилась, было множество меломанов. Знакомые мне присяжные поверенные собирались друг у друга, чтобы играть квартеты великих классиков. Однажды в специальный

концертный зал пригласили Скрябина. У рояля стояла большая лира из цветов. Скрябин, выйдя, улыбнулся цветам. Лицо его было обычным, заурядным, пока он не стал играть. И тогда я услышала и увидела перед собой гения. Наверное, его концерт втянул, втолкнул душу мою в музыку. И стала она страстью моей долгой жизни...

В театре в нашем городке гастролировали и прославленные артисты. И теперь я еще слышу голос и вижу глаза Павла Самойлова в «Привидениях» Ибсена: «Мама, дай мне солнца...» Помню, я рыдала...

Театр был небольшой, любовно построенный с помощью меценатов города. Первое впечатление от оперы было страшным. Я холодела от ужаса, когда кого-то убивали и при этом пели. Я громко кричала и требовала, чтоб меня увезли в оперу, где не поют.

Кажется, напугавшее меня зрелище называлось «Аскольдова могила». А когда убиенные выходили раскланиваться и при этом улыбались, я чувствовала себя обманутой и еще больше возненавидела оперу.

...Я стою в детской на подоконнике и смотрю в окно дома напротив. Нас разделяет узкая улица, и потому мне хорошо видно все, что там происходит. Там танцуют, смеются, визжат. Это бал в офицерском собрании. Мне семь лет, я не знаю слов «пошлость» и «мещанство», но мне очень не нравится все, что вижу на втором этаже в окне дома напротив. Я не буду, когда вырасту, взвизгивать, обмахиваться носовым платком или веером, так хохотать и гримасничать!.. Там чужие,

они мне не нравятся, но я смотрю на них с интересом. Потом офицеры и их дамы уехали, и в доме напротив поселилась учительница географии – толстая важная старуха, у которой я училась, поступив в гимназию. Она ставила мне двойки и выгоняла из класса, презируя меня за невежество в области географии. В ее окно я не смотрела, там не было ничего интересного. Через много лет, став актрисой, я получила роль акушерки Змеюкиной в чеховской «Свадьбе». Мне очень помогли мои детские впечатления-воспоминания об офицерских балах. Помогли наблюдательность, стремление увидеть в человеке характерное: смешное или жалкое, доброе или злое...

Отношения с противоположным полом не задались для Раневской с самого первого, детского еще свидания. Биограф А. Шляхов рассказывал:

«Фаина Георгиевна вспоминала, что гимназист, поразивший ее сердце, имел замечательную фуражку, где над козырьком был надраенный герб гимназии, а тулья по бокам ее была опущена чуть ли не до ушей. Это великолепие буквально сводило юную Фаину с ума. Придя же на свидание, Фаина, к своему удивлению,

застала на указанном ей гимназистом месте – скамейке в городском саду – незнакомую девочку. Девочка попросила Фаину уйти, объяснив, что та уселась на скамью, на которой у нее назначено свидание. Фаина отказалась, объяснив, что и она находится здесь по той же причине.

Вскоре на горизонте возник герой-гимназист, нисколько не смутившийся при виде обеих своих дам. Как ни в чем не бывало он уселся на ту же скамью между ними и стал насвистывать какой-то мотивчик. Незнакомка вновь потребовала от Фаины, чтобы она немедленно удалилась, на что Фаина ответила категорическим отказом. Препирательства двух девочек длились долго. Каждая из них ревностно отстаивала свои права на заскучавшего к тому времени гимназиста. Затем гимназист и соперница Фаины пошептались, после чего та принялась кидаться в Фаину камнями.

Фаина заплакала и ушла, но вскоре вернулась и, остановившись в нескольких шагах от скамейки, на которой ворковали люди, разбившие ее сердце, с пафосом воскликнула: «Вот увидите, вас накажет Бог!». И ушла, преисполненная достоинства и сознания выполненного долга».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.